

**ТЕЛЕСНЫЙ АСПЕКТ РАЗУМА,
ПОВСЕДНЕВНОЕ СОСТОЯНИЕ СОЗНАНИЯ И САМАДХИ.
В поисках подлинной эпистемологии
(Часть 1)**

Л.Г. ПУГАЧЕВА

Во времена упадка... Злые влияния и помехи,
в мириадах разных форм,
Заслонят своей тенью весь мир. **Свободное время**
и долгая жизнь
станут **большой редкостью. Знание примет**
такие размеры,
Что станет слишком громадным для понимания,
Будет крайне
сложно находить доказательства и делать выводы.
Поэтому, сын мой, не пробуй ничего иного,
Но упорно занимайся практикой!

Марпа-Переводчик, XI в., Тибет¹

1. Корни эвдемонической асимметрии

Фальшивое человеческое «Я» затемняет нашу истинную природу. Но если солнце закрыто облаками, это не значит, что его там нет. Человек же не знает своей истинной природы, потому что его сознание находится в «омраченном состоянии», — так говорит философия буддизма на протяжении тысячелетий своего существования.

Если выйти за рамки терминологии и символики буддизма, сохранив основной смысл его послания, то последний легко применим к ситуации XXI в. И философам, и не философам очевидно: с современным (в широком смысле) человеком что-то «не так». В последние столетия благодаря процессу информатизации общества это особенно ясно видно в экономической, политической и культурной жизни, а также во внутреннем, экзистенциальном измерении жизни индивида.

В случае индивида ощущение кризиса связано не с объективным ростом негативных обстоятельств современной жизни: в любую другую историческую эпоху их было не меньше. Речь идет о сиюминутном переживании жизни, об обыденном состоянии сознания, которое воспринимается как «норма», вне зависимости от того, какое субъективное наименование дает ему индивид: «счастье, удача, радость» или «несчастье, неудача, печаль».

В 1939 г. К.Г. Юнг в предисловии к работе Д.Т. Судзуки дает такую оценку современному сознанию: «В Индии — йога, а в Китае — Буддизм поставляли мотивационную силу для попыток вырвать

себя из оков **обыденного состояния сознания, которое ощущалось как неполноценное**².

Но даже если оставить в стороне преходящий характер переживаний «добра», «любви» и «красоты», которые несет в себе повседневная жизнь, по какой-то причине «преодоление трудностей», «страдание» и «неполноценность», которые тоже преходящи, все-таки составляют главные идеи, на которых фиксировано внимание двух основных типов человеческого сознания: индивида и общества. Это можно было бы назвать «асимметрия *eudaimonia*»³.

Она проявляется, в частности, в том, что «радость», «умиротворение», «благодарность» и другие гармоничные человеческие телесно-ментальные состояния длятся в среднем гораздо меньше. Это отражается в языке: например, в устойчивом выражении «мгновения счастья», в утверждении, что «радость» и «счастье» — мимолетны. Для сравнения: устойчивого выражения «мгновения горя» — не существует. «Горе», как известно — лечит «время» (т.е. оно проходит не быстро).

В связи со сказанным возникает вопрос: откуда вообще берется эта «норма», которую буддисты называют «омраченным состоянием»? Или, если обратиться к языку экзистенциальной философии, — как возникает неподлинная экзистенция *Dasein*, а также «забота (*Sorge*) как бытие *Dasein*, как природа, естество человеческого бытия, как такая фундаментальная структура, которая лежит в основе каждого проявления человеческой экзистенции»?⁴ А также такие модусы повседневного сознания как «суета», «тревога», «вина», «отчаяние»? И, наконец, основной вопрос: почему именно они в немалой степени определяют ощущение повседневной жизни?

Корни эвдемонической асимметрии, в частности, уходят в историю религии и искусства античной и затем европейской культуры. Благодаря когнитивным потрясениям — нарушению воли богов/Бога, грехопадению, конфликту чувства долга и страстного желания, отраженным в театре, литературе — развивается индивид, совершающий осознанный выбор. Одновременно эвдемоническая асимметрия связана со становлением эго как социально-коммуникативной структуры знания человека о самом себе, поскольку самонаблюдение и оценка событий жизни как «счастливых» или «печальных» исходит именно от нее. Две эти темы — историческая и когнитивная — находят отражение в структурах знания как описывающего внешний мир, так и обращенного к внутренней реальности телесно-воплощенного индивида, используя термин Дж.Сёрля — нередуцируемой онтологии первого лица⁵. Кроме того, внутреннее знание-переживание собственного «я» целостно и в силу этого невыразимо, так как любая «представленность» в знаках, образах, символах всегда ограничена своим эпистемологическим статусом модели по отношению к ускользающей — живой реальности. Вероятно из-за этого сложного

качества уникальной (хотя и банальной, при этом) реальности каждого конкретного «я» туда невозможно пробраться с какими-либо понятийными (равно образными и метафорическими) и, в силу этого обстоятельства, объективирующими инструментами. Ситуация, отчасти напоминающая о принципе неопределенности Гейзенберга. Однако эпистемологический анализ мог бы стать тем, что формирует для индивида новое пространство внимания. Это пространство, где индивид, лишенный метода, прямо созерцает личные фиксации и привычки ума — «мрачные тучи», затмевающие его истинную природу. Эпистемология помогает обнаружить границу, где заканчиваются «структуры знания», «модельное мышление» и начинается живой опыт.

Очевидно, настоящие ответы, меняющие состояние разума в повседневной жизни, лежат не в теоретических исследованиях, а внутри самосознания индивида. Возможно, теоретические попытки ответа на эти вопросы могли бы сориентировать современное сознание на задачу интроспекции как задачу практической философии. Ведь, в конечном счете, индивидуальное сознание — основа социального и единственное место, где могут начаться перемены к лучшему...

2. Эпистемология «неполноценности» современного сознания: неуравновешенный интелектуализм

Лидер тибетского буддизма Далай-Лама XIV, последовательно воплощающий в личной практике буддистскую философию, пишет в книге «Искусство быть счастливым»:

«Я по-прежнему убежден в том, что человек по своей природе благороден и сострадателен. Эти качества доминируют в нем. Конечно же, гнев, жестокость и агрессия могут пробуждаться в каждом, но я считаю, что это происходит на вторичном, или более поверхностном, уровне. В некотором смысле, они возникают тогда, когда мы не можем достигнуть любви и привязанности. Они не являются частью нашей основной, глубинной природы.»

Таким образом, хотя агрессия и может возникать, я усматриваю причину конфликтов не в человеческой природе, а скорее в человеческом интеллекте — неуравновешенном человеческом интеллекте, его заблуждениях, играх воображения⁶.

Слова Далай-Ламы в контексте развиваемого им понимания разума можно интерпретировать так: «неуравновешенный интеллект» действует в ущерб разуму (мудрости, осознанию) как более высокому уровню системной организации человеческой реальности, отвечающей за ее целостность. Вот фрагмент диалога между Далай-Ламой и известным американским психологом Полом Экманом, показывающий соотношение инструментального интеллекта и целостности разума:

Пол Экман: Вы можете обладать большими знаниями, но быть не мудрым. Вы можете быть очень начитанным и обладать разнообразными знаниями и навыками, но плохо представлять себе, когда и как их применять.

Далай-Лама: В таком случае именно мудрость обеспечивает баланс⁷.

Для описания работы «неуравновешенного интеллекта» воспользуемся «кибернетической метафорой». Представим себе, что система навигационных приборов корабля, идущего по сложному, ежесекундно меняющемуся фарватеру, заменила собой капитана корабля. Капитан выражал своими действиями позицию, «куда и с какой целью идет судно», а также экзистенциально отвечал за целостность — корабль оставался на плаву (функция поддержания аутопоэзиса системы). Капитан успешно встраивал корабль в систему более высокого уровня в условиях неопределенности окружающей среды: он действовал спонтанно. Приборы тоже неплохо справлялись с указанными задачами, однако существовало одно ключевое различие: их способность реагировать на неопределенность всегда ограничена шаблонами...

В современном мире интеллект — один из управляющих параметров «системы жизнедеятельности» человека — часто занимает линейную иерархическую позицию по отношению к целостности индивида... За счет чего это происходит? Кто этот «капитан», утративший свою позицию в системе целого?

Возможно, так случилось потому, что интеллект частично утратил обратную связь с другими элементами системы, и, встав в качестве социально признаваемой ценности «над ними», начал свое директивное влияние. Забегая вперед, предположим, что такими элементами являются осознаваемые ощущения и переживания индивида и тело как их источник — телесный аспект разума, которым «западная» культура, в отличие от «интеллекта» в значительной мере пренебрегает. Если это так, то тогда «капитан» — это индивид — одновременно и как *cogitanshomo*, и как *carналishomo*. Но именно его и нет в эпистемологических структурах современного цивилизованного мира, так как он — не обеспечивает истинного знания, на поиски которого устремлены все совместные эпистемологические усилия. Истинное знание, в первую очередь, научное — область коллективного мышления. Один из его критериев — социальный характер, что является, с одной стороны, надежной опорой истинности, с другой — жестким ограничением.

«По мере того как постепенно развивались человеческое общество и условия его существования, возрастала и роль нашего интеллекта и познавательной способности. Потому я считаю, что первичной для нашей природы является доброта, а интеллект является более поздним приобретением. Я также считаю, что интеллект, не уравновешен-

ный состраданием, может стать разрушительной силой и привести к катастрофе»⁸, — пишет Далай-Лама в 1999 г., комментируя смещение акцента в структуре познавательных способностей индивида и общества на «интеллект».

И это означает, что интеллект в качестве ведущей познавательной способности, наиболее ценимой в западной культуре, оказывается недостаточно разумным, чтобы обеспечивать человеку гармоничную жизнь.

Нечто подобное за 60 лет до слов Далай-Ламы об «интеллекте» К.Г. Юнг сказал о «сознании» в предисловии к посвященной Дзен-буддизму книге Д.Т. Судзуки: «Мир сознания является по необходимости миром, полным ограничений и стен, блокирующих путь. Он неизбежно односторонен, так как такова сущность сознания. Любое сознание может содержать в себе одновременно лишь несколько концепций... Широкое поле возможных восприятий постоянно лимитируется, и сознание привязано всегда к самому узкому кругу»⁹.

Таким образом, мышление двух людей, стоящих, каждый по-своему и в свое время, на перекрестке буддистского и научного взглядов на мир¹⁰, сходятся в одном — интеллект, или сознание (в узком смысле слова, как способность мыслить концептуально и вербально-логически), в качестве направляющей силы человеческого сообщества нуждается в серьезном переосмыслении.

В качестве ресурса для такого изменения Далай-Лама указывает на **«сострадательную любовь»**, а, например, американский психолог Пол Экман¹¹, встречавшийся и беседовавший с Далай-Ламой — на **«эмоциональный интеллект»**. В свое время К.Г. Юнг предлагал обратиться к ресурсам **бессознательного**, используя Дзен, он подчеркивал, что **«духовность... Дзен требует интеллигентности и силы воли, как все великие вещи, желающие стать реальными»**¹².

«Сострадание», «эмоции», «бессознательное», «сила воли» — категории, так или иначе связанные с телесностью индивида, должны, с точки зрения мыслителей, дать человеку больше разумности, чем это делает интеллект сам по себе.

Но связь интеллекта с телесным аспектом разума у современного человека нарушена.

В XIX и XX вв. философская и общекультурная мысль говорит о том, что ресурс развития человека залегает глубже, чем его интеллектуальная способность. Поиск этого ресурса является вопросом в некотором смысле практического — и уже поэтому индивидуального философского исследования (у Ф.М. Достоевского, С. Киркегора, Ф. Ницше и др.).

Чтобы этот поиск состоялся, индивид должен перейти с позиции «вербально-логического интеллекта» (при этом полностью сохраняя ее как другую возможность, необходимую для описания опыта) куда-

то еще: в область «веры», «воли», «дионисийства», субъективности, индивидуальности как «истины»...

Буддизм, в частности, предлагает перейти на уровень анализа собственного сознания как телесно-воплощенного существа — в область высокой осознанности всех, даже мельчайших ментальных движений в точке бытия «теперь», где за выбор цели и результат человек отвечает как телесно-воплощенное существо — всем своим телом и душой.

Тело как инструмент познания, не отличимого от способа быть, существовать в качестве уникального существа (быть = осознать отдельность существования или его субъективно-объективную двойственность), соединяет интеллект с неопишуемым — моментом действительного бытия на острие точки «теперь» до того, как она получила свое наименование и отошла в область работы интеллекта. Точка «теперь», будучи замеченной, сразу попадает в сферу, где «происходит непрестанное отодвигание в прошлое»¹³ и где тем самым образуется пространство для работы интеллекта — обыденного вербально-логического инструмента разума. Напротив, из-за своего особого онтологического положения, телесный аспект разума требует неопишуемой индивидуальной работы со стороны человеческого «Я», которая укладывается в очень короткий промежуток времени. Он расположен как раз между тем моментом, когда проявляется некое внутреннее движение, ощущение, и другим — когда полностью оформляется гуссерлевская точка «теперь». По крайней мере, отсюда телесный аспект разума начинает свою осознанную деятельность.

Для современного научного сознания природа «неопишуемости» (за рамками вербально-логического мышления) представляет вполне понятную сложность, но интуитивно ее довольно легко принять. Для этого представим себе, что у нас есть руководство по плаванию, вождению автомобиля или игре на рояле. Совершенно понятно, что, невзирая на общий характер заключенных там знаний, результатом их усвоения является ментально-телесный навык, приобретаемый конкретным человеком. И, в качестве индивидуального умения, такой навык неопишуем со стороны вербально-логического инструмента — интеллекта.

В этом смысле современные эпистемологические структуры, опирающиеся на интеллект, на самом деле не знают такой позиции, как «индивид».

Проблема «неуравновешенного интеллектуализма» или «узости сознания» с точки зрения эпистемологии как теории до конца решена быть не может, но, безусловно, в ее рамках может быть поставлена.

Кардинальные пути решения проблемы предлагают йога, буддизм, даосизм, адвайта-веданта, психоанализ, телесноориентированная терапия и др. Но ни один из перечисленных путей также не является

технологией с гарантированным результатом, подобно тому, как пособие по плаванию не гарантирует, что вы поплывете, как чемпион. Причина тут точно такая же, как и в случае эпистемологии: каждая школа воспринимается как нечто обособленное именно благодаря текстам и исторической традиции. Индивид же, вышедший за рамки Текста, например, буддистского (или эпистемологического, или феноменологического) уже, в некотором роде, ни к какой школе не принадлежит. Он не буддист (не эпистемолог, не феноменолог) или, так сказать, только лишь «исторический буддист»: на это, в частности, косвенно указывают парадоксальные дзеновские тексты, такие как известное «Встретишь Будду — убей Будду!»

В чем же тогда ценность эпистемологического пути?

На этом пути дискретный по своей природе интеллект может обнаружить свои собственные границы, очертив область, в которой действуют другие способности разума, такие как осознанный выбор, опирающийся на континуальную способность тела жить в настоящем моменте здесь-и-сейчас (в области неопишуемого настоящего, действительного бытия). Задача, будучи поставленной в теоретическом концептуальном поле, приобретает оптику из разряда «невозможной геометрии»: вербально-логическая способность, т.е. интеллект, должен ограничить себя в своих притязаниях, используя только логику и слова, да еще и указать куда-то в другое измерение — «за текст» (хотя туда указывает, пусть и не так радикально, любой текст, особенно, поэтический).

Проделать подобную эпистемологическую процедуру сложно в силу того, что полноценная позиция для ее осуществления должна находиться как внутри, так и «за пределами» интеллекта, опирающегося на понятийно-вербальное, концептуальное мышление. И это «за пределами» не может больше находиться нигде, кроме как в «теле» (внутренне осознаваемом телесном состоянии) — просто у индивида больше ничего нет: только «тело» и «речь»¹⁴.

Например: пациенту предстоит сложная операция. Интеллект, взвешивающий «за» и «против» уже проделал свою работу, но решение не найдено. Тогда остается последнее: разум, решительно отбросив логический инструмент, совершает выбор, основанный на глубоком стремлении жить — в точке «здесь-и-сейчас», когда откладывать решение уже некуда.

Так как же возникают избыточный интеллектуализм и конфликты?

Существование и функционирование «законов природы» не требует текста — ни философского, ни научного, ни религиозного. Современные психологи — ведущие групповой работы говорят, что законы групповой динамики внутри человеческих сообществ работают

так же — на уровне законов природы. Хочет или нет группа в целом, знает она о них или не знает — все этапы групповой динамики будут пройдены обязательно в той или иной форме: от постановки задачи, первичного сбора информации друг о друге, через конфликтную фазу к конструктивной работе и этапу «умирания» группы.

В отличие от природного и природно-социального порядка, «писанные» законы современного социума — с древнейших времен и до настоящего времени — это нечто качественно другое. Закон, выраженный в вербальной форме, т.е. Текст, отличается от универсальных природных законов своим необязательным характером — его можно нарушить, интерпретировать иначе, использовать в своих интересах. Текст как уровень воплощения закона позволяет иметь разные точки зрения на ситуацию, на чем строится, в частности, юридическая практика. Таким образом, интеллект, как вербально-логический инструмент Текста, становится инструментом для создания конфликтов, а вербальная форма дарит этим конфликтам устойчивое существование во времени. С этой точки зрения, любой конфликт в человеческом обществе — это конфликт интерпретаций, вариантов объяснения некоего Текста. Даже если корни конфликта имеют совершенно животную природу (например, желание обладать территорией), в человеческом обществе конфликт получает интеллектуальную, вербально-логическую форму Текста. Это конфликт различных версий реальности, борющихся за право быть воплощенными, объективированными в материальных и телесных носителях (например, судебный процесс о разделе дома по наследству).

Понятийный интеллект (Текст) выводит конфликт из настоящего времени «здесь-и-сейчас» в область времени — прошлого, настоящего, будущего, придавая конфликту большую реальность, чем он бы имел, опираясь только на телесно-ментальное состояние враждующих сторон. Благодаря вербальному интеллекту, происходит стабилизация конфликта и, как это ни парадоксально, разрыв между телесным переживанием и словом¹⁵.

Тело меняет свой настрой очень быстро: никто не в состоянии непрерывно чувствовать гнев или любовь. Нужны перерывы, хотя бы на сон или еду. Текст возвращает и удерживает телесно-ментальное состояние в узаконенной позиции. Так действует интеллект. Более того, тело может не возвращаться, благодаря Тексту, к узаконенному телесно-ментальному состоянию. Достаточно вербального согласия человека, что он подчиняется принятому судебному или иному решению/соглашению, даже если все его естество (телесно-ментальное состояние) при этом протестует...

Между «телом» индивида, «телесно-ментальным» состоянием и интеллектом (Текстом, вербальным инструментом разума) возникает фундаментальный разрыв. Слова больше не используются в том

значении, в котором их переживает тело. Гениально об этом написал в своем монологе «XX век» сатирик Михаил Жванецкий:

Дружба видоизменилась настолько, что допускает предательство, не нуждается во встречах, переписке, горячих разговорах и даже допускает наличие одного дружащего, откуда плавно переходит в общение.

Общением называются стертые формы грозной дружбы конца XIX и начала XX столетия.

Любовь также потеряла угрожающую силу середины XVIII — конца XIX столетия. Смертельные случаи крайне редки...

Мы уже не говорим о том, что правда второй половины XX века допускает некоторую ложь и называется подлинной.

Мужество же, наоборот, протекает скрыто и проявляется в экстремальных условиях — трансляции по телевидению.

Понятие честности толкуется значительно шире — от некоторого надувательства и умолчания до полного освещения крупного вопроса, но только с одной стороны.

Значительно легче переносится принципиальность. Она допускает отстаивание двух позиций одновременно, поэтому споры стали более интересными...

Размашистое чувство, включающее в себя безжалостность, беспощадность и жестокость, называется добротой. Форму замкнутого круга приняло глубокое доверие в сочетании с полным контролем¹⁶.

В современном мире сформирована структура знания индивида о себе, в которой «тело» индивида, его телесно-ментальные реакции, и «слово», — например, нормативные тексты, особенно в социальных взаимоотношениях — никак не связаны между собой. Характерный пример: предвыборные обещания кандидатов в структуры власти. Это ритуализированное действие, в котором «слово» является инструментом «заклинания» общественного сознания. И хотя общественное сознание отчасти понимает ритуальный характер происходящего шоу (предвыборного, в данном случае), пока нет выхода за границы узаконенного мифа — кандидатам разрешают принять участие в борьбе и победить!

Коммуникация на уровне социума осуществляется в рамках легитимных тем, из которых складывается миф о «хорошем, конструктивном правлении»: публичные структуры общества (государственные и частные — те, существование которых зависит от имиджа в масс-медиа) «планируют», «строят», «улучшают», «развивают», «решают проблемы», «берут на контроль», «совершенствуют систему» и т.д. (Иногда перечисленное — правда, но в любом случае самоописание власти — таково.)

С одной стороны, подобное устройство знания о себе и внешнем мире можно было бы считать просто эпистемологической ошибкой,

как, например, в случае, когда человек утверждает одно (например, «я тебя люблю»), а на телесном уровне испытывает нечто другое (равнодушие или отвращение). Но рассмотренная социальная практика отличается от банальной лжи тем, что говорящий и слушатель не до конца отдают себе отчет в подлинных причинах и последствиях несоответствия своего ментально-телесного состояния словам. Это «невинное» несоответствие, которое каждый человек ежедневно слышит по радио и видит на ТВ, в частности, ведет к ложной социальной эпистемологии и к настоящему экзистенциальному страданию.

С другой стороны, структура знания, содержащая указанный разрыв — это та эпистемология, которой люди пользуются в обществе повсеместно, на всех уровнях его организации. Она, безусловно, удобна и функциональна, так как делает совместную реальность более стабильной, абстрагируясь от повседневных колебаний внутреннего состояния индивида или смены индивидов (например, находящихся у власти, что всегда приводит к изменению заведенного порядка вещей). В этом, безусловно, выражается «вторичная» разумность данной эпистемологии.

При этом она, так сказать, «первично», ведет к забвению индивидуального уровня разума. Вместо ответственности «тела», прочувствованной как индивидуальное состояние, наступает ответственность как следование букве закона. Интересы индивида, особенно его основной экзистенциальный интерес — совершать выбор, т.е. выражать свое существование в его особенности (чувств, мыслей, ощущений) — оказывается на втором плане. С принятием этой эпистемологии, в частности, связан кризис перехода из «детства» к «взрослой» жизни¹⁷.

Таким образом, благодаря социально-семантическим механизмам вербального интеллекта, индивид часто оказывается выдворенным за пределы позиции, в которой действительно решение принимает им самим (а не при помощи одного из многих социальных клише) — из позиции «здесь-и-сейчас», на острие настоящего момента действительного бытия. Отныне решение принимает не индивид, а интеллект — как вербально-логическая структура коллективного разума социума. Индивид оказывается в функции живого проводника решения, практически бессубъектно принятого (например, традиционного) в соответствии с логикой какой-либо социальной практики (например, «жениться после тридцати» или «давать детям высшее образование»).

Итак, сделаем некоторые выводы.

1. Между телом (телесно-ментальным состоянием) индивида и словом существует эпистемологический разрыв: слова в большой степени маркируют не действительный смысл, переживаемый индивидом на

острие настоящего момента, а социальную норму – политическую, культурную, групповую, традиционную...

2. Разум теряет свою телесную составляющую, уступая ведущую роль интеллекту. Механизм этой подмены – Текст. Эпистемологический разрыв приводит к затяжным конфликтам: между интерпретациями (внешний intersубъективный конфликт, легитимируется соответствующими текстами), а также между телесно-ментальным состоянием и его описанием (внутренний конфликт индивида, часто полубессознательный).

3. Современная культура на самом деле не знакома с живым, телесно-воплощенным человеком, несмотря на ее подчеркнутый индивидуализм, что часто выражается в раздутом «эго». Индивид как телесное существо, осознающее себя на острие бытия «здесь-и-сейчас», оказывается вне структуры греко-европейской, по своему происхождению, эпистемологии. В повседневной жизни это эпистемологическое упущение находит свое выражение в проблемах мироощущения, смысла жизни, экзистенциальных кризисов – того, что объединяется в представлении о неблагополучном состоянии сознания и жизни индивида.

4. Поэтому современному человеку, ведомому неуравновешенным интеллектом, нужно не меньше, а больше разума. Ему нужно «включить» телесную составляющую его разума. В традиции Дзен-буддизма наибольшая разумность описывалась как высшее состояние бодрствования, самадхи – истинное самадхи, которое является повседневным фоновым состоянием индивида¹⁸, основой всех его поступков и конкретных состояний.

Возникает вопрос: как западное сознание, оставаясь на своих нынешних путях развития, придет к большей разумности и придет ли?

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Лама, принесший из Индии в Тибет элементы буддистского учения, повлиявшие на формирование линии кагью (См.: Сто тысяч песен Миларепы. – Екатеринбург: Алмазный путь, 2004. Т. 2. С. 159).

² Судзуки Д. Основы Дзен-буддизма. Кацуки С. Практика Дзен. – Бишкек: Одиссей, 1993. С.9. Впервые книга Судзуки вышла в Киото в 1934 г., а в 1939 г. она была издана на немецком языке с предисловием К.Г. Юнга.

³ Шри Ауробиндо объясняет этот феномен так: «Если мы взглянем беспристрастно и с единственным намерением сделать точную и незомоциональную оценку, то мы обнаружим, что сумма удовольствия существования много превышает сумму боли существования, – хотя видимость и индивидуальные случаи могут говорить об обратном, – и что активное или пассивное, поверхностное или лежащее в основании удовольствие существования является нормальным состоянием природы, а боль, напротив, есть явление, временно прерывающее то нормальное состояние или подминающее его под себя. Но по своей сути меньшая сумма боли воздействует на нас сильнее и часто мерещится большей, чем величайшая сумма удовольствия; в точности потому, что последнее является нормальным, мы не

ценим его, даже с трудом его наблюдаем, пока оно не возвеличится до некоторой сильнейшей формы, до волны счастья, пика удовольствия или экстаза» (*Шри Ауробиндо*. Жизнь божественная. Книга I. Всеприсутствующая реальность и вселенная. Глава XI. Восторг существования: проблема. – URL: http://www.aurobindo.ru/workings/sa/22-24/rus_2_1.htm – Дата цитирования. 12.03.2013).

⁴ История философии: Энциклопедия. – Мн.: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2002. С. 142.

⁵ «...сознанию присуща неэлиминируемая субъективная онтология» (*Сёрл Дж.* Открывая сознание заново. – М.: Идея-Пресс, 2002. С. 70).

⁶ *Далай-Лама, Катлер Г.К.* Искусство быть счастливым. Руководство для жизни. – М.: София, 2006. С. 66 – 67.

⁷ *Далай-Лама, Экман П.* Мудрость Востока и Запада. Психология равновесия. – СПб.: Питер, 2011. С. 215.

⁸ *Далай-лама XIV, Катлер Г.К.* Искусство быть счастливым. Руководство для жизни. С. 67. Под «интеллектом» понимается вербально-логическая способность, лежащая в основе символической деятельности. «Интеллект» – часть разума, как и «доброта».

⁹ *Юнг К.Г.* Предисловие // *Судзуки Д.* Основы Дзен-буддизма. *Кацуки С.* Практика Дзен. С. 13.

¹⁰ Интерес Далай-Ламы XIV к современной науке широко известен.

¹¹ Пол Экман участвовал в диалоге с Далай Ламой, результатом чего явилась уже упоминавшаяся книга (*Далай-Лама, Экман П.* Мудрость Востока и Запада. Психология равновесия). Другой собеседник Далай Ламы – Дэниел Гоулман (См.: *Гоулман Д.* Эмоциональный интеллект. – М.: АСТ, 2009).

¹² *Судзуки Д.* Основы Дзен-буддизма. *Кацуки С.* Практика Дзен. С. 18.

¹³ *Гуссерль Э.* Феноменология внутреннего сознания времени. § 11 // *Гуссерль Э.* Собр. соч. Т. 1. – М.: Логос; Гнозис, 1994. С. 33 – 34. См. здесь же: «Теперь-схватывание есть как бы ядро кометного хвоста ретенции, к которому отнесены предыдущие Теперь-точки движения».

¹⁴ См.: *Суриков К.А., Пугачева Л.Г.* Человек в космосе мышления. – М.: КМК, 2008. С. 234.

¹⁵ См.: *Пугачева Л.Г.* Эволюция разума человека как эпистемологическая проблема. Глава 3. § 3.3. – М.: КМК, 2008. С. 240 – 252.

¹⁶ *Жванецкий М.* XX век. – URL: <http://www.jvanetsky.ru/data/text/vd/20vek/4.03.2013>

¹⁷ О разнице «детского» состояния, близкого к самадхи и «взрослого», неподлинного состояния см.: *Судзуки Д.* Основы Дзен-буддизма. *Кацуки С.* Практика Дзен. С. 636 – 637 и далее.

¹⁸ Постоянное самадхи, или положительное самадхи, – состояние чистого существования вне интеллектуальной концептуализации по отношению к собственному «Я» и фактам реальности (См.: *Судзуки Д.* Основы Дзен-буддизма. *Кацуки С.* Практика Дзен. С. 547 – 548).

Окончание следует